

МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
**«САРАТОВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ
Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО»**

Кафедра русской и зарубежной литературы

**Образ одинокого короля-художника
в романах В.В. Набокова «Дар» и «Solus Rex»**

АВТОРЕФЕРАТ БАКАЛАВРСКОЙ РАБОТЫ

студента 4 курса 412 группы
направления 450301 – Филология (профиль «Отечественная филология
(Русский язык и литература)»)
Института филологии и журналистики

Салихова Тимура Эльмировича
фамилия, имя, отчество

Научный руководитель

Зав. кафедрой

зав.кафедрой, к.ф.н., доцент

должность, уч. степень, уч. звание

подпись, дата

подпись, дата

инициалы, фамилия

Ю.Н. Борисов

инициалы, фамилия

Саратов 2021 год

ВВЕДЕНИЕ

Образ короля в незавершенном романе В.В. Набокова «Solus Rex» глубоко связан с фигурой художника-творца. Черновик продолжения «Дара» объединяется с «Solus Rex», поэтому образ одинокого короля-художника прослеживается в Федоре Годунове-Чердынцеве. Из этого следует, что и в «Даре» высвечиваются стороны этого образа. «Solus Rex» отбрасывает свет на сам «Дар», дает новое прочтение текста. Роман с такой точки зрения можно рассматривать потому, что «Дар», как и многие другие произведения Набокова, имеет многопланную смысловую природу. Для Набокова «царь» или «король» – это фигуральные титулы художника. Творец у него приобретает исключительную позицию, становится избранным, одним из немногих, кто обладает редким даром. Талант творца становится королевским искусством. В «Даре» показано развитие художника Федора. Годунов в конце романа получает фигуральный титул «короля». В «Solus Rex» состоявшийся и знаменитый писатель Годунов-Чердынцев должен был стать «одиноким королем» уже в более трагичном плане.

Проблема изучения этого образа является актуальной потому, что прямо связана с исследованием черновых текстов и неосуществленных творческих планов Набокова. Незавершенный роман «Solus Rex» и черновик продолжения «Дара» изучили авторитетные специалисты-набоковеды: Брайан Бойд, Александр Долинин, Джейн Грейсон, Андрей Бабилов, – но, как они сами отмечают, в этих текстах осталось еще много не раскрытых сторон. То же касается и романа «Дар», в котором имплицитно прослеживается образ художника как короля, реализующийся в главном герое произведения. Изучение проблемы в более полном объеме раскрывает и эстетическую позицию, мировоззрение Набокова.

Цель работы – раскрыть образ художника как одинокого короля в романах «Дар» и «Solus Rex».

Задачи работы:

1) дополнить уже проведенные набоковедами исследования выявлением новых связей между фрагментами незавершенного романа;

2) показать, что образ одинокого короля-художника имеется и в романе «Дар». Для этого выделить основные характерные черты образа короля-художника и через эти атрибуты рассмотреть героев романа – литераторов Кончеева и Владимирова, отца Федора – Константина Кирилловича. Затем остановиться на главном герое романа – Федоре Годунове-Чердынцеве, рассмотреть творческий дар Федора, который он называл «королевским опытом», и соотнести его с явлением «inspiration»;

3) изучить пятую главу романа и доказать, что в ней происходит фигуральная коронация Федора Годунова-Чердынцева вследствие кульминации его творческих исканий.

Основные источники при исследовании романов «Дар» и «Solus Rex» – это книга Александра Долинина «Комментарий к роману Владимира Набокова “Дар”» и статья «Загадка недописанного романа» из книги «Истинная жизнь писателя Сирина». Также книга Андрея Бабикова «Прочтение Набокова. Изыскания и материалы статья» со статьей «Дар за чертой страницы» и набоковским черновиком второго тома «Дара», книга Брайана Бойда «Владимир Набоков: Русские годы» (Глава 22, часть VII «От “Дара” – к “Solus Rex”») и статья Андрея Арьева «Отражение в аспидной доске. О рассказах Solus rex и Ultima Thule Вл. Набокова», идеи которой связаны с образом одинокого короля-художника, как и у Александра Долинина. Исследователи выявили связи фрагментов неоконченного романа и черновика через образы и мотивы, которые показывают, что три текста, возможно, принадлежали единому замыслу незавершенного романа. Была рассмотрена полемика Александра Долинина и Андрея Бабикова о незавершенном романе.

Цель и задачи определи **структуру** выпускной квалификационной работы: Введение, две главы, Заключение и Список использованных источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1. Дополнение к исследованиям образа одинокого короля-художника. В главе выявляются новые связи между тремя текстами незавершенного романа Набокова. Через схожие мотивы находится и связь с «Даром». Образы главных героев – художника Синеусова, безымянного северного короля и Федора Годунова – схожи между собой. Их всех отличает примат воображения над действительностью, творческий дар. Набоков создает в незавершенном романе апологию одинокого художника, живущего в башне из слоновой кости наедине со своим королевским искусством. Поэзия или творчество короля-художника понимается здесь как истина, заключающая в себе всё.

Из «Дара» мотив потери человеком всего дорогого ему переходит в роман «Solus Rex» и возводится в крайнюю степень. Потеря всего Федором созвучна названию романа, шахматному термину *solus rex*, когда король черных теряет все свои фигуры, остается один, и дальше следует либо неизбежный мат королю, либо ситуация пата, которая приводит к ничьей, т.е. положению, когда проигрывают все. Это сходится со словами самого Федора в конце черновика: «конец всему, “трагедия русского писателя”». Совершенно мрачный и пессимистичный финал, который входит в конфликт с «Даром» и его идеей принятия и утверждения жизни. Одной из главных идей незавершенного романа было бы, что король-художник неизбежно теряет всё, становится одиноким и может спастись только в своем искусстве, но едва ли полностью заглушит переполняющую его печаль от утраты дара жизни.

Глава 2. Образ одинокого короля-художника в «Даре». Из фрагментов незавершенного романа «Solus Rex» и черновика продолжения «Дара», а также из работ, проведенных исследователями, можно выявить основные черты и атрибуты, которые характеризуют фигуру одинокого короля-художника:

- главной чертой является одиночество, отрешенность художника от мира и людей, герметичность его личности;
- сопутствующее такому одиночеству высокомерие, независимость;

- художественный талант, дар;
- индивидуалистическое мировоззрение, когда художник противопоставляет свою исключительность «общему» миру.

Необходимо рассмотреть героев романа «Дар» – Кончеева, Владимирова и отца Годунова-Чердынцева – через призму этих королевских атрибутов. Подробное изучение характеров этих персонажей даст понять, в чем они схожи с главным героем романа – Федором Годуновым-Чердынцевым, «одиноким королём».

2.1. Одинокие художники Кончеев и Владимиров. Союзниками Годунова-Чердынцева по дару и таланту можно считать двух людей – поэта Кончеева и романиста Владимирова. Оба были такие же одинокие, холодные и высокомерные. Угрюмый и нелюдимый Кончеев в начале романа был единственным соперником Федора. «Кончеев – никому не нужный кустарь-одиночка, абсолютно лишенный каких-либо общих интересов». Это точное описание настоящего одинокого художника. Вторым союзником Федора становится писатель Владимиров. Он был такой же талантливый, высокомерный и холодный как Кончеев и Годунов. Три художника имеют родство друг с другом в плане их дара, одиночества и независимой позиции в мире. Три образа художников – это разные ипостаси автора романа. Они единственные в романе одинокие творцы, которые противостоят «общим идеям» эмигрантской литературы и пытаются отстоять индивидуальную независимую позицию в искусстве.

2.2. Отец Годунова-Чердынцева. Отец Федора был знаменитым энтомологом и исследователем «фауны Тибета, Памира и других синих стран». Константина Кирилловича в науке называли «конквистадором русской энтомологии», что говорит о его воинственном и исключительном положении первооткрывателя. Независимый характер он сохранял и в кругу семьи, был одновременно строг и нежен с женой и детьми; гнева его боялись все. Отец Федора открыл редчайший экземпляр бабочки – темно-пепельного аполлона, названного

Orpheus Godunov. Орфический образ намекает на природную одаренность и художественный талант Годуновых, в том числе и Константина Кирилловича.

Одиночество отца – это особое перманентное одиночество талантливого и глубоко чувствующего человека. Это одиночество перенял и Федор, который не хотел до конца раскрывать душу перед Зиной. В путешествиях отец открывает ранее неисследованные территории и места на карте мира. Так же и Федор хочет уподобиться отцу: создавать в литературе новые миры, открывать новые и неизведанные пространства искусства. «... он был счастлив среди еще *недоназванного мира*, в котором он при каждом шаге *безымянное именовал*», – отец Федора уподобляется первому художнику Адаму, который именовал всех животных. Константина Кирилловича тоже можно считать одиноким королем-художником, который открывал неизведанные пространства Азии, творил поэзию в исследованиях природы, бабочек и их мимикрии.

Важной характерной чертой не только Федора и Константина Кирилловича, но также и деда Федора Кирилла Ильича является акт «самоволнения»¹. Мужчины в роду Годуновых-Чердынцевых склонны к абсолютной и радикальной независимости, автономности. И. Смирнов отмечает, что самоволнение – это семейная традиция Годуновых. Она представлена как общий дух их семьи. В своем самоволнении по мере развития литературного дара Федор отделяется от отца, создает независимый образ, равный отцовскому. Во «Втором приложении к “Дару”»² Набокова отец Федора предстает еще большим художником. Сын вкратце пересказывает новую теорию отца о «видах» и их классификации. Главная мысль в теории – экземпляр предшествует виду. По сокровенным размышлениям Константина Кирилловича, речь идет о единичном характере существования, в противовес

¹ Смирнов, И.П. От противного. Разыскания в области художественной культуры / И. П. Смирнов. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 147

² Набоков, В.В. Второе добавление к «Дару» / Вступ. заметка Б. Бойда (пер. с англ. Г. В. Лапиной); публ. и коммент. А. Долинина // Звезда. 2001. № 1. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/zvezda/2001/1/vtoroe-dobavlenie-k-daru.html> (дата обращения 29.05.2021) Яз. рус.

обобщениям. Здесь снова прослеживается индивидуалистическое мировоззрение Константина Кирилловича, переданное Федору. Таким мировоззрением в творческом мире Набокова обладают истинные художники.

В движении романа становится понятным, что генезис творческого дара и мировоззрения, независимого характера Федора кроется в его отце. Федор, продолжая традицию семейства Годуновых-Чердынцевых, обретает свою особую и исключительную позицию по отношению к миру.

2.3. Федор и его дар. Через имя и его этимологию Федор предстает перед читателем как особая фигура, исключительный герой почти «царственного происхождения». Были рассмотрены основные черты художника-короля, которые есть у Годунова-Чердынцева. Если говорить об одиночестве Федора, то можно признать, что он им не тяготился. Уединение для Федора было способом ухода в свой творческий, воображаемый мир, как это видно во время написания им романов и вообще во время творческого процесса художника. Об отрешенности и герметичности его талантливой личности Набоков писал во второй главе: «...он уже не мог принуждать себя к общению с людьми для заработка или забавы, а потому *был беден и одинок*». Независимую и автономную позицию своей жизни Федор отстаивал даже по отношению к своей возлюбленной Зине Мерц. Полностью свою независимость Федор раскрывает в реализации художественного дара – а именно при создании и публикации книги «Жизнь Чернышевского». Федор созданной книгой хочет запечатлеть новое имя в литературе. В третьей главе Годунов размышляет о своем даре, его искусство предстает в виде алхимического королевского опыта. Этот момент комментирует Долинин: «В средневековой алхимии “королевским искусством” (*ars regia*) или “королевским опытом” называлось получение философского камня или эликсира <...> – процесс, конечной целью которого являлось созревание и преобразование души алхимика»³. Преобразование души Федора полностью осуществится в пятой главе, в груневальдском эпизоде.

³ Долинин А.А. Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар» / А.А. Долинин М.: Новое издательство, 2019. С. 235.

Творческий дар Годунова-Чердынцева, который преобразует сор и мелочь жизни в золото искусства, связан с явлением «*inspiration*».

2.4. Явление «*inspiration*». Термин «*inspiration*» Набоков ввел в статье «Искусство литературы и здравый смысл»⁴ и подразумевал под этим «духовную дрожь» при творческом процессе, когда через связь разнородных вещей и феноменов окружающего мира человек прозревает внутреннюю суть, когда «все держится на идеальном слиянии прошлого и настоящего». То есть это одновременное восприятие вещей, явлений, разных времен. Явление *inspiration* глубоко связано с идеей времени у Набокова, которое многие исследователи считают одной из центральных тем его творчества. Поэтому стоит соотнести концепцию времени-пространства у Набокова и немецкого философа Мартина Хайдеггера.

В пятой главе при втором воображаемом разговоре Федора Годунова-Чердынцева с поэтом Кончеевым, главный герой говорит о времени: «Наше превратное чувство времени как некоего роста есть следствие нашей конечности <...> Бытие <...> определяется для нас как вечная переработка будущего в прошедшее, – призрачный, в сущности, процесс <...> Наиболее для меня заманчивое мнение – что времени нет, что всё есть некое настоящее, которое как сияние находится вне нашей слепоты...».

Эти высказывания схожи с концепцией времени у Хайдеггера, который писал в своем философском трактате «Бытие и Время», что смыслом бытия присутствия, или *Dasein* (человеческое бытие), является временность. Человек конечен. Е.А. Пилипенко пишет об этом: «По Хайдеггеру, именно конечность, временность человеческого бытия придает смысл человеческому существованию, поэтому именно время является самой существенной характеристикой бытия, а основная задача философии как раз и заключается в

⁴ Набоков, В.В. Лекции по зарубежной литературе / В.В. Набоков ; пер. с англ. С. Антонова, И. Бернштейн, В. Голышева и др. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019.

том, чтобы раскрыть связь между бытием, временем и человеком»⁵. Внимание героя Набокова обращено на толкование времени как пространства.

Если времени нет и есть только момент настоящего, представленного как точка, единственный момент или миг, то для того, чтобы воссоздать уже не существующее прошлое и еще не сбывшееся будущее, требуется творческое сознание. Если продолжить мысль Хайдеггера, то время существует только благодаря человеку, его творческому субъективному сознанию.

В конце своей статьи Набоков пишет о творческом процессе художника, как в нем рождается идея написания, «четкий план» произведения. В этом настоящему художнику нужно необходимое качество – восприятие множества разных явлений, вещей, воспоминаний в одном моменте, или точке. Лучший образец проявления *inspiration* можно найти в самом начале второй главы романа, начинавшейся с детских воспоминаний Федора Годунова-Чердынцева. Переход из одного времени-пространства в другое происходит в пределах одного предложения. Федор Годунов возвращается из воспоминания в реальную жизнь, продолжая ехать в трамвае. Но уже после того, как он сошел с трамвая, состояние *inspiration* мгновенно вспыхивает, герой обратно перемещается в воображаемое прошлое.

Этот момент одновременного восприятия многих вещей и явлений похож на описание Набоковым «*inspiration*» в приведенной статье. Прогулки героя по зимнему Берлину одновременны с его воспоминанием и разворачиванием картины детства в семейном имении Лешино. В художественном пространстве произведения одновременно существуют реальный мир Берлина тридцатых годов и воображаемый мир детства героя. Герой во время вспышки одномоментно находится минимум в двух местах. С помощью памяти реализуется воспоминание.

Но *inspiration* также имеет связь с будущим, с неким предзнаменованием. Это прежде всего связано с «духовной дрожью» художника перед

⁵ Пилипенко Е.А. Время в философии М. Хайдеггера: Субъективация объективного / Е. Пилипенко // Вести Волгогр. гос. ун-та. Сер.7, Филос. 2015. № 2 (28). С. 20.

первоначальным планом создания произведения. Набоков утверждал в своей статье, что писатель уже мысленно видит свой «завершенный шедевр» в будущем. Восприятие будущего связано с хайдеггеровским понятием «заботы», когда человеческое бытие (Dasein) устремляется, направлено к горизонту будущего. Человек всегда нацелен в будущее. Эта часть объяснения inspiration соотносится с чувством замысла будущего романа Федора Годунова-Чердынцева, который мы уже читаем. Чувство «вдохновения» будущей книги у Годунова-Чердынцева – это финал «Дара», который закольцовывается таким структурным образом, что конец романа перетекает в его начало.

Inspiration также рассматривается как переход из одного пространства-времени в другое. Это явление всегда имеет творческий характер. Пример такого перехода есть во второй главе, когда Федор писал неоконченный роман об отце-путешественнике. Во время творческого порыва писатель переносился в воображаемые дали Тибета и Китая. Связь разнородных вещей и явлений Федор называл «многопланностью мышления» – главным качеством писательского дара.

Inspiration, являясь важным начальным толчком для творческого процесса, помогает Федору Годунову-Чердынцеву, как создателю своего будущего романа, преодолеть конечность человека, его смертность, преодолеть время. Через явление «вдохновения» как литературный прием Набоков структурно объединяет разные времена и пространства в «полиреальность», когда вместе уживаются мир детства, настоящее время и будущая книга с ее будущим автором – героем-повествующим, глядящим ретроспективно на героя-повествуемого. Inspiration как элемент творческого процесса помогает при создании воображаемого прошлого и будущего предзнаменования, т.е. книги. Таким образом, явление «inspiration» – это творческое преодоление времени сознанием героя в романе «Дар».

2.5. Груневальдский лес и коронация Федора. Стоит рассмотреть подробно несколько эпизодов пятой главы романа. Глава важна тем, что структурно стоит близко к началу незавершенного романа «Solus Rex». В пятой главе романа

Федор отправляется загорать в Груневальдский лес. Его дар достиг новой высоты после публикации книги. Сам процесс преобразования Федора в этой главе можно разбить на шесть этапов.

Этап первый – дорога к Груневальду и вхождение в лес. Федор входит в почти что мифическое пространство безвременья, когда видит недостроенный дом. Во время отдыха он переворачивает мир, когда запрокидывает голову, лежа на земле. Таким образом, он оказывается на вершине мира, будто бы на «другой планете».

Этап второй – загорающий Федор. Долинин точно замечает, что эпизод в лесу с загорающим Годуновым является «кульминацией творческих исканий Федора». Герой вдохновляется и приобщается к солнцу, после чего чувствует себя Адамом в райском лесу. Эпизод схож с явлением «*inspiration*», Долинин называл момент вдохновения в лесу «звездной вспышкой» или «*stellar explosion*». Федор обретает гармонию с природой, становится равным ей.

Этап третий – плавание Федора в озере. Годунов долго плавает в озере, а потом выплывает на другой берег. Этот момент можно интерпретировать как царскую инициацию, когда человек, пожелавший стать королем, должен пройти через страдания и одиночество, переплыть реку (в общем, водную стихию) и оказаться на другом берегу, тем самым став иным, обновленным.

Этап четвертый – встреча и разговор с Кончеевым. Федор во второй раз встречается с воображаемым Кончеевым. Во время разговора Федор чувствует особую «божественную» связь между ними. Как думает Федор, невозможность их встречи в действительности возместится этой связью вне мира.

Этап пятый – дорога Федора домой. После разговора Годунов остается почти нагим. Он возвращается домой. «Начал капать дождь, и это было так, словно кто-то прикладывал к разным частям его тела серебряную монету» – этот момент интересно интерпретирует И. Смирнов. Исследователь говорит о

том, что в этом дожде в переносном смысле происходит коронация Федора, помазание на царство⁶.

Этап шестой, последний – встреча с отцом во сне. Преображенный Федор возвращается на квартиру Щёголевых и через некоторое время засыпает. Во сне ему является отец. Так же как и с растворением в золотом солнце райского леса, Федор растворяется в этой встрече с отцом, чтобы преобразиться окончательно. Отец благословляет сына. Все это вместе показывает метафорическое избрание Федора королем вследствие окончательного возмужания его дара. Таким образом, получение настоящим художником Федором фигурального титула «царя» или «короля» описано в самом романе как момент высшей радости, а коронация и помазание выступают как «кульминация творческих исканий».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Через фрагменты романа «Solus Rex» и черновик продолжения «Дара», которые вместе должны были стать единым текстом незаконченного романа Набокова, а также через основные исследования, посвященные проблеме этих текстов, удалось рассмотреть концепцию Набокова, в которой художник-творец обретает исключительный статус «одинокого короля». Этот образ позволяет отчетливее увидеть смысловой пласт «королевского опыта» в романе «Дар».

Выявленные «королевские атрибуты» позволили утверждать, что в романе есть несколько художников, которых тоже можно называть одинокими королями. Это прежде всего Кончеев и Владимиров. В большой степени определение распространяется и на отца Годунова-Чердынцева, который своим характером и мировоззрением повлиял на сына – главного героя романа. Этимология имени Федора Годунова-Чердынцева, а также черты его характера дают основание утверждать, что Набоков имплицитно представил своего героя как одинокого короля-художника. Писатель наделяет Федора главными качествами художника: творческим даром в виде алхимического королевского

⁶ Смирнов, И.П. От противного. Разыскания в области художественной культуры / И. П. Смирнов. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 198.

опыта, который преображает действительность; внимательностью и наблюдательностью, духовным ясновидением. Есть и особое свойство – «многопланность мышления», или явление «*inspiration*», которое заключает в себе единство прошлого, будущего и настоящего. Через это явление творец преодолевает время.

Фигуральной коронацией и преображением Федора в пятой главе романа автор венчает кульминацию творческого развития главного героя. Таким образом, удалось выяснить, что образ одинокого короля есть не только в незавершенном романе «*Solus Rex*», но и в самом «Даре». Ответ незавершенных текстов проблематизирует понимание художественного таланта: дар, благодарность Дарителю, ответственность, но и неизбежное одиночество, ощущение гармонии с миром и трагический разлад с близкой реальностью. Анализ романов показал, что образ короля-художника развивается от «Дара» к «*Solus Rex*». Так, Годунов, обретший «царский титул» творца в «Даре», разительно отличается от повзрослевшего Годунова в незавершенном романе «*Solus Rex*». В этом плане два романа по своей идейной составляющей вступают в противоречие. Если в первом романе образ художника-творца раскрывается в оптимистичном ключе, как кульминация развития дара, то в незавершенном романе Годунов-Чердынцев, как одинокий король, теряет всё самое дорогое, остается ни с чем. В этом плане судьба – важный мотив двух романов – играет большую роль. Если брать исследуемый образ в целом, то его внутренняя тональность меняется от радости в «Даре» к печали в «*Solus Rex*». Набоковский образ вбирает в себя две эти стороны как необходимые.

Набоковская проблема дара художника в контексте русской классической литературы стала предметом серьезных интертекстуальных исследований ученых. Не менее интересно было бы проследить влияние концепции Набокова на современных писателей.